

Признайся — ты хочешь восстания!

CrimethInc.

Оглавление

Начиная с Бунта...	4
...и переходя к сопротивлению	6
Даже если время ещё не пришло	7
Против субкультуры	8
Отрицание анархо-идентичности	11
Не просто восстание, а анархистское восстание	12
Против активизма	13
Поддержание конфликтов	14
Как извлечь пользу из репрессий	15
Где безопаснее, в тени или в свете прожектора?	16
Сила восстания	19
Социальная война требует социальных навыков	21
Социальные навыки для социальной войны:	22
Противостоять всем формам угнетения	23
Язык исключения	24
Воинственные позы против Деколонизирующего насилия	26
Желание разрушать всё подряд	29
Вскрывая линии разрыва	30
Инфраструктура против конфронтации равных	31
Анархизм без приставок	34

Того же хотим и мы! Хотим тотального слома иерархий и доминирования во всех их формах, и, если потребуется, - путём вооружённого восстания. До тех пор, пока это возможно, мы ограничиваемся периодическими столкновениями, в ходе которых мы приобретаем навыки, обретаем товарищей и обнажаем пропасть между угнетателями и нами.

Но как нам организовать эти столкновения? Как мы можем быть уверены, что они укрепят нас, а не наших врагов? Какие ловушки поджидают нас на этом пути? И, наконец, что ещё мы должны делать, чтобы наши старания принесли плоды?

В последние несколько лет в анархистских кругах США приобрело известность небольшое течение, ставящее во главу угла социальный конфликт и восстание. Как и любое другое идеологическое направление, оно намного более разнообразно, чем может показаться со стороны. Одни заиклены на конфронтации ради неё самой, а не для того, чтобы добиться перемен, другие - готовят мятеж, надеясь пробудить энергию угнетённых, преодолев инерцию статичных организаций. Общей чертой для них является критика в отношении любых формальных институтов и сосредоточенность на «атаке» в качестве центральной темы.

Насколько эффективна данная стратегия для достижения поставленных целей? Чтобы ответить на этот вопрос, мы не можем попросту изучить повстанческую теорию в отрыве от практики; мы должны рассмотреть деятельность, ассоциируемую с повстанчеством в контексте американского социума. На деле, не всегда просто понять, где заканчиваются стратегические планы и начинаются эмоции, психология и темперамент; в данном случае и то, и другое имеет большое значение. То, что вы прочтёте ниже, будет основано, по большей части, не на том, что инсurreкционисты говорят, а на том, что они делают.

Эта тема особенно интересна для нас, поскольку мы тоже, в некотором роде, инсurreкционисты, независимо от того, используем мы данный термин или нет. В течение примерно десяти лет мы вели радикальную борьбу, основанную на личной инициативе, неформальных взаимосвязях и организации по принципу участия. Начав с шоплифтинга (магазинных краж - прим. перев.) и вандализма, и перейдя затем к уличным дракам и нелегальному прямому действию, мы на собственной шкуре почувствовали преимущества и недостатки данного подхода к борьбе. Каждый всегда наиболее критичен по отношению к тому, что для него важнее всего..., страстно желая, чтобы всё удалось, и страшно тревожась о возможных провалах.

В некоторых своих аспектах, этот способ мышления очень стар. Возможно, он появился даже раньше, чем первые его приверженцы поняли это. Одна ветвь генеалогии восходит к спору между Марксом и Бакуниным о социально-экономическом устройстве Парижской Коммуны. Другие инсurreкционисты черпают пример в «пропаганде действием» бомбистов XIX века и иллегализме, связанном с именем Жюль Боно и его сторонниками, грабившими банки. Мы можем протянуть нить современной инсurreкционистской теории от Эррико Малатесты и Луиджи Галлеани через работы Альфредо Бонанно, Джин Вейр и других людей, попытавшихся вынести уроки из социальных конфликтов 60-70-х годов XX века.

В то же время, современные повстанческие идеи стали новым феноменом в США, где высокая «текучка кадров» в анархистских сообществах нередко обрекает их наступать на одни и те же грабли снова и снова. Едва ли кто-то может упрекнуть в этом

новые поколения анархистов - если уж надо кого-нибудь обвинить, то это как раз старшие поколения - за отказ установить контакт с молодыми. Олдовым анархистам стоит быть особенно тактичными, дабы не проявить пренебрежение и враждебность к энтузиазму своих более юных соратников. Десять лет назад мы были выскочками, чья свежая энергия и путаные идеи провоцировали всех нервных ветеранов; мы смогли вынести уроки из некоторой части их критики, но вовсе не благодаря им, а из-за их презрения, которое привело к росту нашей «обороноспособности» и их маргинализации. И если теперь уже мы сами встанем в позу ветеранов, то мы можем обречь тех, кто придёт после нас, вновь повторить те же ошибки по той же схеме.

Отталкиваясь от вышесказанного, давайте начнём разговор с преимуществ, которые даёт восстание как отправная точка борьбы.

Начиная с Бунта...

Атака - это отказ от посредничества, умиротворения, терпильства, приспособленчества и компромисса в борьбе. Именно действуя и обучаясь действовать, а не ведя пропаганду, мы откроем путь к восстанию, хотя анализ и дискуссия играют важную роль в том, чтобы определить как нужно действовать. Ожидание учит только ждать; действуя, человек учится действовать.

«Повстанческая анархия: организовать, чтобы атаковать» (зин Do or Die #10)

Многие организации, включая и те, которые не скрывают своей анархистской ориентации, обещают бросить вызов властям, как только подготовительная работа будет закончена; но мир постоянно меняется, ты можешь закладывать фундамент дома лишь для того, чтобы затем осознать, что изменился сам рельеф местности... Ты привыкаешь к ожиданию, даже если единственное, что заставляет тебя ждать - «необходимость» ещё чуть-чуть подготовиться - всегда легче дальше ждать. Революция, это как стать родителями, или что-либо ещё по-настоящему важное в жизни - ты никогда не можешь быть к этому полностью готов.

Часто необходимость подготовки формулируется словами о необходимости придать движению более широкий размах и повысить уровень знаний его участников. Но до того, как час столкновения настал, до того, как ряды сомкнуты - здесь не о чем говорить. Большинство людей предпочитает оставаться в стороне от теоретических дискуссий, но когда что-либо происходит, накал высок, и можно видеть конкретные различия между противоборствующими сторонами - они выберут, к кому присоединиться. Создавая такие переломные ситуации, можно вывести на чистую воду тех, кто скрывает свои авторитарные и капиталистические взгляды, и в то же время дать шанс всем остальным - сформировать иные убеждения.

Иногда приходится целиться мимо мишени, чтобы поразить её. Может быть, в умиротворённых Соединённых Штатах, некоторым придётся отвергнуть любой компромисс и постепенность, чтобы растряссти стоячее болото и воспрепятствовать интеграции движения в Систему. Порывая с мнимым социальным миром и согласием, радикализм обнажает несправедливость и даёт обоснование гневу, который

Надпись на баннере: «Либералы, можно мы взбунтуемся?» Ответ всегда «Нет!»

чувствуют и другие люди. Когда туман кажущейся вселенской покорности рассеян, те, кто хочет бороться, могут наконец-то найти друг друга, а готовность к борьбе – более прочная основа для единства, чем чисто идеологическое согласие.

То, что ты делаешь уже сейчас, должно соответствовать твоим долгосрочным целям. Теоретическое самосовершенствование воспроизводит себя до бесконечности. Если стремиться к реформам, это приведёт к развитию реформистской логики мышления и борьбы. Если ты хочешь уничтожить все формы доминирования, то лучше с самого начала вступить с ними в бой.

...и переходя к сопротивлению

«Повстанческий анархизм, следовательно, придаёт особое значение распространению действия, неуправляемого восстания, чтобы ни армия, ни полиция не были в состоянии пресечь эту автономную деятельность. Чего Система по-настоящему боится, так это не самих по себе актов саботажа, а того, что они станут широко распространённой в обществе практикой.»

—там же.

Каждая акция, рассеивающая иллюзии порядка и повиновения, ведёт к тому, что этих иллюзий остаётся всё меньше и меньше.

Почти все направления повстанческой мысли подчёркивают важность распространения восстания. Пожалуй, это один из лучших критериев, по которому можно оценить эффективность усилий инсurreкционистов.

И выжидание, и действие воспроизводят сами себя, следовательно, действуя, ты приглашаешь к действию остальных. Это аргумент в пользу того, чтобы проводить такие акции, которые каждый мог бы легко осуществить сам. Есть надежда, что такие действия войдут в «моду».

Во всяком случае, это теоретически так. Иногда анархисты совершают действие, которое другие могли бы с лёгкостью повторить, но на деле никто его не повторяет. Какие другие факторы позволяют акции вдохновить новые акции?

Даже если время ещё не пришло

«Мы — повстанческие анархисты... потому что вместо того, чтобы ждать, мы решили перейти к действию, даже если время ещё не пришло.»

—Альфредо Бонанно, Повстанческий Проект

Для большинства инсуррекционистов является аксиомой, что человек должен не ждать благоприятных обстоятельств, а немедленно бросаться в бой. Как противоядие от описанной выше выжидательности, такая позиция годится превосходно; но как моральное обязательство, догма, предопределяющая любое твоё решение, она может быть опасно бессмысленной.

Повстанческая теория согласна с этим, но на практике инсуррекционисты далеко не всегда делают мудрый выбор. Это один из тех случаев, когда непросто различить инсуррекционизм как программу с конкретными целями и инсуррекционизм как черту характера. Незамедлительно реагировать на несправедливость без оглядки на обстоятельства, это красиво, и, возможно, это способ обрести человечность в бесчувственном мире, но это не всегда стратегически оправдано...

Что не удерживает некоторых от того, чтобы возвести данную позицию в стратегический принцип. Люди, выросшие в обществе, основанном на христианском видении морали, часто отстаивают свои собственные предпочтения как универсальные, всеобщие предписания. Удивительно, насколько могут быть склонны к моралистскому осуждению окружающих люди, отрицающие мораль как таковую.

И всё же, повстанческий анархизм это религия или стратегия? Если это религия, то тогда её принципы вечны и неоспоримы как категорические императивы. Если, напротив, это стратегия, появившаяся в определённых условиях, мы должны хорошенько подумать о том, как эти условия отличаются от наших, и как такая стратегия может быть к ним приспособлена.

Когда Бонанно впервые сформулировал свою теорию в 1970-х годах, Италия была в эпицентре бури, угрожавшей всему социальному порядку; авторитарные и антиавторитарные течения смешивались и соперничали в ходе борьбы с правительством. Бонанно не подводил теоретическую базу под идею «ускоряющих» столкновений, а лишь предлагал такую организационную стратегию, которая дала бы уверенность в том, что уже происходящие столкновения приведут к свободе и автономии. Современные анархисты США, читая тексты вроде «Вооружённой радости» не всегда понимают это. Напротив, они видят в них призыв к индивидуальной «эскалации конфликта».

Конечно, в обществе, основанном на конкуренции и эксплуатации, всегда происходят столкновения, однако, они едва заметны. Никто не должен торопить других; достаточно сражаться там, где находишься. К сожалению, воображение мятежников зачастую ограничено наиболее популярными шаблонами атак. Представьте себе повстанца, который ходит на работу или учёбу всю неделю, а по выходным разбивает окна банков, не решаясь создать разрыв в структуре своей повседневной жизни и, в то же время, с готовностью отваживающегося на совершение уголовных преступлений с целью разрушения вещей, находящихся за её пределами. Если такой образ жизни может иметь смысл, то это значит, что всё же следует осторожно выбирать, когда и как «приступить к действию». Мы не убеждены в том, что он имеет смысл, но это не значит, что рассматриваемому повстанцу было бы лучше немедленно бить окна на своём рабочем месте.

Если «приступить к действию, даже если время ещё не пришло» не означает взять ближайший тяжёлый предмет и напасть на ближайшего человека в форме, то что это вообще означает? Как нам решать, какие виды действий имеют наибольший смысл?

На Первомай несколько дюжин хулиганов в масках буянили по всему торговому кварталу в деловом районе Сан Франциско, они били стёкла и запускали фейерверки.

Потом на Индимедии появилось анонимное заявление следующего содержания:

«De Beers, Prada, Coach, Tumi, Wells Fargo, Longchamp, Macy's, Armani, Crate and Barrel, Montblanc, Urban Outfitters и Guess были подвергнуты нападению за всё это политическое дерьмо, но в первую очередь потому, что к чёрту их всех! Эксплуатация является нормой экономической деятельности, а не исключением. Мы не видим нужды представлять длинный список из недовольств и солидарности.»

Многое изменилось со времён коммюнике от коллектива АСМЕ, последовавшего за действиями Чёрного блока в ходе протестов против ВТО в Сиэтле. В 1999 заявление АСМЕ широко читалось и обсуждалось, оказывая влияние на политику нового поколения, которое видело больше смысла в противостоянии власти корпораций железными ломами, а не подписями и почтовыми ящиками. Спустя десятилетие, одетые в чёрное анархисты всё ещё чудесным образом находят способы бить стёкол, несмотря на всевозрастающую слежку и репрессии — но коммюнике, если не само действие, кажется, ориентировано только на тех, кто понимает и одобряет эту тактику.

Против субкультуры

«Особенно следует избегать культурных и активистских кругов... Все окружающие - контрреволюционеры, потому что они лишь озабочены сохранением их жалкого комфорта.»

- Грядущее восстание

Исторически повстанческий анархизм сосредоточился вокруг неприятия статических организационных структур. В США, где существующие издавна анархистские организации не особенно распространены и сильны, он выработался недавно, как реакция на культурные факторы. Некоторые инсurreкционисты осмысливают свою позицию как разрыв с тем, что они считают безнадежно пассивными и интегрированными в систему анархистскими «субкультурами» — ездой на велосипеде как самоцелью, совместными обедами, которые никогда не заканчиваются уличными столкновениями, и так далее. Некоторые идут дальше, отвергая саму мысль, что субкультура может иметь какой-либо радикальный потенциал.

Что значит «отвергнуть субкультуру»? Культура повсеместная среди человеческих существ, как язык; вы можете ставить её под вопрос, вы даже можете уничтожить её, но в ходе этого процесса вы породите новую культуру. В общих чертах, этот отказ видится не как нечто, исходящее из некой мистической доктрины, будто мы можем бежать от культуры как таковой, (это путь, который Джон Зерзан проповедует как примитивистскую утопию без языка), но только как форма реакции на субкультурную идентификацию предшествующего поколения анархистов. Согласно исследованию выпуска №8 издания Rolling Thunder, ко времени, когда сегодняшние молодые анархисты стали совершеннолетними, панк-сцена, которая произвела так много их предшественников, пришла к преобладанию реакционных элементов. Отвергать одну субкультуру, столкнувшись с этим, было недостаточно — почему бы не отвергнуть субкультуру в целом?

Молодые инсurreкционисты не первые, кто попытался сделать это: можно найти похожую риторику в книгах вроде «Дни войны, ночи любви». Прежде чем идея завоеует новых сторонников, легко заявлять что она выходит за рамки субкультуры, так как она не воплощена в какой либо отдельной общественной среде. Но как только она приобретает сторонников, всё становится сложнее. Со всей вероятностью, сторонники будут разделять субкультурные ориентиры — иначе как бы они смогли воспринять идею? — а при отсутствии таковых, им придётся создать общие ориентиры в ходе попытки воплотить идею. Культура — это просто что-то вроде ориентиров, чем более они непонятны, тем более «субкультурны» — в этом смысле идеологический инсurreкционизм значительно более субкультурен сегодня, чем, скажем, веган-стрейтэдж сцена.

Конечно, повстанцы могут выйти за субкультурные границы тем способом, который теориям не доступен; так же межкультурные пространства иногда могут создать плодородную почву для восстаний. Много чего можно сказать про создание связей между разными сообществами в ходе борьбы, показывающее, что сопротивление не является исключительной сферой деятельности лишь одного из них. Если бы не было однородности в большинстве повстанческих кругов, было бы возможным читать эту критику субкультуры как аргумент за кросс-культурные пространства, а не как хитрый способ продвижения ещё одной новой субкультуры. Нет такой вещи, как зона, свободная от культурных маркеров — усилия по высвобождению от культурных ограничений должны начинаться с интеграции разных культурных «миров», а не попыток быть вне их всех.

Возможно, подобно авторам вышеупомянутой книги «Дни войны...», некоторым людям нужно резко противостоять культуре как таковой, просто чтобы почувство-

вать себя имеющими право воплощать в жизнь что-то новое. Но в итоге, когда это новое нечто становится преуспевающим и приобретает субкультурную идентификацию, оно начинает нуждаться в критике, учитывающей этот факт — иначе оно будет обречено быть изолированным и нейтрализованным, как и его предшественники. Те, кто думают, что они могут полностью игнорировать культуру, пытаются выплеснуть ребёнка вместе с водой — это особенно тяжёлый проект, когда ребёнок — ты сам.

Этот спор о культурных параллелях намного старше спора между повстанцами и анархистами, верящими в построение долговременных конструкций. Последние приводят довод, что повстанческая критика организаций основана на той идее, что формальные структуры неизбежно иерархичны, но отвечают, что такой анализ не даёт инсurreкционистам инструментов для анализа проблемы скрытых иерархий которые развиваются в неформальных сетях. Порицание авторитарных тенденций в конкурирующей идеологической среде не даёт им самим иммунитета от той же заразы.

Так все ли субкультуры «озабочены лишь сохранением своего жалкого комфорта»? Наверно, это просто вопрос терминологии в обозначении общественных кругов, которые озабочены только лишь сохранением своей комфортной «среды». Есть ли положительная роль, которую субкультура может играть в разжигании восстаний?

Давайте вернёмся к вопросу о том, каким образом действие становится заразительным. Как было показано выше, просто совершения действий, которые «может делать любой другой», самого по себе недостаточно для распространения сопротивления. Этот подход основывается на предположении, что другие, кто разделяет похожее чувство неудовлетворённости, увидят действия и поймут стратегию, олицетворяемую ими, и что только лишь это подвигнет их на действие. Но этот подход принимает за аксиому, что акции будут хорошо видны, а стратегия понятна по другую сторону культурных границ; также он игнорирует то, что стремление определяется культурой так же, как и классом.

Многие из тех, кто убивал президентов и царей более века назад, неистово верили в то, что эти действия воодушевят угнетённых на восстание. Подпольные группы «вооружённой борьбы» иногда использовали похожую логику. Часто эти группы критикуются повстанцами за то, что их действия слишком недоступны; но это не объясняет того, почему более легковоспроизводимые тактики часто также не удаётся сделать модными. Другой критикой в отношении вооружённых групп является то, что они отделяют себя от остальных, и поэтому новая энергия и идеи перестают прибывать; эта критика кажется более меткой. Можно сказать, что распространение повстанческой страсти и ценностей — по существу, культурных явлений — так же обязательно для разрастания революции, как и бензин для «коктейлей Молотова».

Например, за последние несколько лет, североамериканские анархисты провели законспирированные нападения на банкоматы, окна банков и другие цели; в настоящее время это один из самых известных шаблонов для повстанческой деятельности. Такие ночные нападения, похоже, не имеют широкого распространения за пределами анархической субкультуры в большинстве городов, в которых они имели место, но они привели к росту числа акций-подражателей в других сообществах анархистов. Это указывает на важность общего культурного контекста — общих ценностей, ориентиров и мест для общения. Искренние действия могут быть заразительными,

но мы всегда совершаем что-либо по хорошо известному для нас примеру. Также наши действия обусловлены ценностями, принятыми в наших сообществах.

Похоже, что люди охотнее присоединятся к восстаниям, если это может помочь им удовлетворить свои потребности. Но сами потребности порождаются обществом: например, никому не был нужен мобильный телефон, чтобы поддерживать связь со своими друзьями лет десять назад, а многочисленные общины коренного населения предпочитали сопротивление любым удобствам до тех пор, пока их образ жизни не был уничтожен. Существующие структуры власти, как правило (по крайней мере, не хуже радикалов), способны предложить возможности для удовлетворения потребностей, которые они производят, — через индивидуальное соперничество или институциональные реформы. Настоящая контркультура возвращает потребности, которые капитализм и демократия никогда не смогут обеспечить, такие как жажда человеческого достоинства.

Пытающиеся распространить сопротивление должны это учитывать. В течение прошлых пятидесяти лет заморские повстанцы часто отождествлялись с субкультурой — например, итальянская инсurreкционистская среда 80-х и 90-х основывалась на сети автономных социальных центров. Критикуя долговременные инфраструктурные проекты и контр-культурную среду, некоторые американские инсurreкционисты показывают своё незнание контекста, на фоне которого бунтуют те иностранцы, которые вдохновляют их.

Нелепому взгляду, что мы не должны рассматривать культуру как пространство для мобилизации сопротивления, мы противопоставляем проект создания культуры сопротивления, в которой люди разных культур смогут найти точки соприкосновения в общей идее уничтожения иерархии во всех её формах.

Отрицание анархо-идентичности

Один из частных случаев преодоления субкультуры — преодоление анархизма как идентичности. Это вызывает к жизни один старый вопрос: должны ли мы организовываться именно как анархисты, или, объединяясь по иному принципу, мы скорее придём к анархии?

Много было сказано о сопротивлении изоляции в закрытых кругах посвящённых. Представим молекулу, которая соединяется с другими молекулами путём разделения электронов с ними. Если у неё есть свободные электроны, то она склонна образовывать новые связи или распадаться; с другой стороны, если все её электроны находятся в стабильных связях, она вряд ли придаст новую динамику окружающим её молекулам. Точно также, анархисты, которые изолируют себя в компании убеждённых и оторванных от жизни теоретиков, склонны становиться статичными и предсказуемыми, тогда как те, кто меньше вращается в однозначно анархистских кругах, чтобы оставаться открытым для отношений с другими людьми, иногда могут активизировать волны изменений.

В тоже время, организация на базе общественной, а не идеологической позиции — например, как гомосексуальная молодёжь, как жители одного района, или как представители рабочего класса, которые желают изменить положение — может быть

весьма перспективной. Всякий, кому доводилось работать в коалициях, знает, насколько трудно бывает достичь чего-либо перед лицом огромных внутренних различий в целях и ценностях. Это верно даже без централизованной процедуры принятия решений — вспомните случаи, когда предполагаемые товарищи тащили автоматы для продажи газет обратно на тротуары во время уличных столкновений. Пожалуй, лучший подход состоит в объединении на некотором пересечении общественной позиции и идеологии: например, компания, которая росла вместе, открывает для себя антикапиталистическое сопротивление, и предлагает эту возможность другим компаниям.

Зачастую те, кто находится на переднем крае столкновений с властями, вообще не считают себя анархистами, в то время как анархисты с тщательно сформулированной политической позицией избегают конфликтов и даже сопротивления путём саботажа. Люди примиряют свои политические взгляды с реальностью, и эти взгляды часто не имеют ничего общего с тем, как они в действительности себя ведут. Это явление подтверждает скептицизм повстанцев по поводу важности идеологических позиций, но это также и значит, что те, кто называет себя повстанцами с не большей вероятностью практикуют то, что проповедают, чем все остальные.

Несмотря на то, что «сознательный» анархизм не всегда связан с активным сопротивлением, нет оснований полагать, что конфликты, участники которых не говорят, что они — анархисты, более предпочтительны для создания анархистских ситуаций или взаимоотношений. Если ты против всех форм угнетения, ты можешь так и сказать с самого начала, и этим не дать возможности присвоить твои старания представителям авторитарных идеологий.

Не просто восстание, а анархистское восстание

«Вооружённая борьба — это стратегия, которая может быть поставлена на службу любому проекту.»

—На ножах со всем существующим

В США, где насильственный политический конфликт — редкость, очень заманчиво представить любое столкновение с властями антиавторитарным по своей сути. Инсуррекционистские сайты и журналы присваивают образы из весьма широкого спектра; некоторые прославляют любые формы антиобщественных преступлений, как проявления социальной войны, даже не интересуясь мотивами тех, кто их совершает.¹

Но восстание и уличное насилие не обязательно являются анархистскими. Сопротивление угнетению достойно похвалы само по себе, но значительная часть

¹ Assuming common cause with others of unknown political commitments on the basis of their apparently subversive actions is risky on multiple levels. The Situationists used the Watts riots to argue that their ideas were “already in everyone’s heads” at best, that was a stretch, and at worst a way to claim the right to speak for those who could only speak on their own behalf through action. We can celebrate rebellious actions from outside our communities, but meaningful alliances demand actual relationships.

Фанаты LA Lakers отмечают спортивную победу

сопротивления осуществляется лишь ради новых форм угнетения, взамен прежних. Это так обычно для других частей света — нелегальное насилие, применяемое некоторыми фашистами, парамилитарес, бандами, нарко-картелями, мафией и авторитарными революционными движениями, является важным составляющим элементом их доминирования. Шустрые авторитарии часто берут на себя руководство атаками на правящую власть лишь для того, чтобы поглотить и направить на свои нужды народное недовольство. Сами по себе, бунты не всегда освободительны — Хрустальная Ночь тоже была бунтом. Даже если некоторые участники восстаний имеют самые чистые намерения, эти движения могут пойти в любом направлении: вспомните, что случилось с русскими, участвовавшими в восстании 1917 года, или с иранцами — в восстании 1978-79 гг.

Таким образом, анархисты должны не просто провоцировать восстания, но и гарантировать, что они приведут к более горизонтальному и децентрализованному перераспределению власти. С этой точки зрения, культ таких внешних деталей насильственного столкновения, как чёрные маски, коктейли Молотова, и т. п. — в лучшем случае бьёт мимо цели, а то и активно отвлекает от неё. Проявление инициативы среди повстанцев, способы принятия решений и распространения навыков, связи между товарищами: всё это гораздо важнее. Точно так же следует думать о том, каким образом бунт может привести к долгосрочной революционной ситуации, а не к конечной консолидации сил под руководством реакционеров.

Против активизма

Против активизма очень часто возражают: мол, это специфическая деятельность, которая делает социальные изменения вотчиной экспертов; он основан на диалоге с

властью (который, кстати, реально происходит); он поддерживает недоверие и ограничивает возможность перемен. Многие из этого — чистое пустословие; многие люди, не заслуживающие подобных обвинений, считают себя активистами. Некоторая часть этой критики — проекция классового гнева: ведь как всегда утверждали правые, те, у кого есть время влезать в дела всех остальных, «изменять мир», а не только решать проблемы собственного выживания, должны иметь привилегированный доступ к ресурсам.

Нелегко выделить ядро истины в этом потоке сарказма, но верно одно: активизм, который не бросает открытый вызов иерархии, укрепляет её. Реформистская борьба позволяет добиться корректировок в деталях угнетения, но, в конечном счёте, она помогает государству поддерживать его легитимность в глазах общественности — не только путём предоставления возможности заглаживать конфликты, но и путём упрочнения идеи о том, что сила, способная привести к существенным изменениям, находится в руках у властей. Лучше бороться таким образом, который развивает у людей осознание их собственных возможностей, не связанным со всеми этими подачами петиций и бюрократией. Реформистский активизм также тяготеет к выстраиванию внутренних иерархий: как будто случайно, лучшими переговорщиками и медийными персонами часто оказываются белые с высшим образованием с хорошим оттенком кожи и примиренческими манерами. Конечно, определённые повстанческие практики могут также легко возводить иерархии просто по другим критериям.

Поддержание конфликтов

Если оно не обеспечивает действительные потребности своих участников, повстанчество попросту является дорогим хобби: активизмом с уголовными обвинениями и меньшей базой поддержки.

Другой урок, который мы можем получить от тщательного изучения активизма, это важность избегать чрезмерного расширения. Некоторые виды деятельности приносят больше энергии и ресурсов, чем потребляют; другие стоят больше, чем приносят. Многие активистские проекты в конце концов рушатся, потому что им не удаётся компенсировать вложенные в них ресурсы: невозможно продолжать изнурительное предприятие не получая на это средств откуда-нибудь. Конечно, эти ресурсы могут иметь разнообразные формы: деятельность в группе «Книги для Заключённых» может съесть много часов рабочего времени, но продолжаться при условии, что социальные связи, которые она обеспечивает, являются полезными; путешествие по стране с целью участия в бунтах может обойтись дорого в переводе на горячее и денег для освобождения под залог, но если оно достаточно волнующее и наполняющее энергией, то участники как-нибудь найдут деньги. С другой стороны, если нужно собирать миллион долларов для оплаты судебных издержек после каждой демонстрации, они могут оказаться непомерно высокими, если только каждая демонстрация не будет привлекать новых сторонников с глубокими карманами.

Деятельность, требующая больше ресурсов, чем она приносит, не обязательно плоха, но ты должен отдавать себе в этом отчёт, если хочешь в ней участвовать. За-

бавно, но несмотря на враждебность повстанческих анархистов по отношению к активизму, стратегии, связанные с конфронтацией, зачастую, как минимум, столь же дорогостоящи (с этой точки зрения), что и традиционное активистское организаторство. Предпочитая борьбе, ориентированной на конкретные цели, конфликт ради конфликта, некоторые американские инсurreкционисты обрекают себя на выгорание. Символические столкновения могут помочь обрести большую готовность к сражению за конкретные цели, но лишь тогда, когда они не обходятся так дорого, что напрочь истощают собственную социальную базу. Битьё окон — это бесполезное занятие, если оно не ведёт к созданию широкого социального движения² — или, по крайней мере, если оно не даёт возможность набрать такое количество товаров, спрятанных за этими стёклами, что это позволило бы окупить будущие судебные расходы вандалов.

Самые жизнеспособные формы конфронтации позволяют получить ресурсы, которые затем могут быть использованы в дальнейшей борьбе. Классическим примером такой борьбы служит европейской сквоттерское движение тридцатилетней давности, в рамках которого захваченные здания использовались как стратегические плацдармы для продолжения социальной борьбы. Этот подход заменяет как пораженческий реформистский активизм, так и саморазрушительную повстанческую догму. Если он не решает конкретных проблем своих участников, инсurreкционизм — лишь дорогое хобби: активизм, влекущий уголовное преследование и пользующийся ещё меньшей общественной поддержкой. Инсurreкционисты былых времён понимали это и грабили банки, вместо того, чтобы бить их стёкла.

Возмездие само по себе является потребностью, но едва ли это единственная потребность. Люди, сталкивающиеся с достаточным количеством вызовов в своей повседневной жизни, не будут намного более привержены бессмысленному вандализму, чем активизму, не имеющему ничего общего с их обычной жизнью; с другой стороны, тактика, дающая им поддержку, может быть более привлекательной. Инсurreкционистам, которых раздражает анархизм образа жизни тех, кого они называют «субкультурщиками», на самом деле, есть много чему у них поучиться. Субкультурщики находятся в своей версии анархистского сообщества не по моральным или идеологическим причинам, а потому, что это сообщество поддерживает их. Если вы хотите, чтобы ваше восстание распространилось, оно должно давать людям то же самое.

Как извлечь пользу из репрессий

В США вооружённая борьба означает столкновение с самым сильным государством в мировой истории. Она требует стратегии, которая принимает во внимание репрессии, правовую поддержку и тюремные сроки (которые станут неизбежным результатом), и каким-либо способом превращает их в преимущество. Отсутствие

² “It is better to loot than to shoplift, to ambush than to snipe, to walk out than to phone in a bomb threat, to strike than to call in sick, to riot than to vandalize... Increasingly collective and coordinated acts against this world of coercion and isolation aren't solely a matter of effectivity, but equally a matter of sociality—of community and fun.” -*War on Misery #3*

такой стратегии, наверно, является наиболее значительным структурным изъяном сегодняшних инсуррекционистских проектов. Мы должны заниматься этим вопросом репрессий помимо обычной культуры безопасности, ограниченной поддержки заключенных, проводимых время от времени акций солидарности и принятия желаемого за действительное. «Не попадайся» — это не план, это молитва.

Это неловко признавать, но активисты, которые практиковали ненасильственное гражданское неповиновение в США в 1980-х и 90-х, были в этом отношении значительно более продвинутыми, интегрируя свои аресты, судебные дела и тюремные сроки в свои кампании как стратегические шаги. Их подход был основан на превознесении и прославлении терпильства в его наиболее противном виде, но, пожалуй, нам всё ещё есть чему поучиться у них, чтобы максимально подготовиться к репрессиям и непрерывной поддержке заключённых в нашей собственной борьбе.

Текущее дело РНК-8, в котором анархистов обвинили в сговоре с целью организации акций против Республиканской Национальной Конвенции 2008, может послужить отправной точкой. Ответчики использовали своё дело для делегитимизации правительства и приобрели союзников в других сообществах; на момент написания этого текста, они, похоже, вынудили обвинителей обороняться, поскольку обвинения против них в терроризме были сняты, а само дело считается смутным в самых широких кругах. Будь они просто анонимными вандалами, а не весьма заметными организаторами, это было бы невозможно.

Где безопаснее, в тени или в свете прожектора?

Нет лидеров, которых бы переловили; нет иерархических организаций, которые бы обладали властью над нами от нашего же имени; нет списков членов, которые бы отслеживались; нет манифестов, на основе которых строились бы обвинения; нет посредников, которые бы вели переговоры (а затем соединились) с властной элитой. Не выдвигаем никаких общественных требований, не проводим никаких символических линий, и не пишем никаких пресс-релизов, которые намеренно будут неверно истолкованы и опошлены журналистами. Никаких платформ или программ, которые интеллектуалы могут захватить как свою исключительную собственность, никакого флага или стяга, чтобы клясться в полной и сектантской верности.

—«Повстанческая Анархия: организовать, чтобы атаковать»

Ни формального членства, ни манифестов, ни публичного лица. Это должно помешать государству обнаружить своих врагов, но такая невидимость и изоляция столь же сильно мешает соратникам найти друг друга и начать действовать.

В сегодняшней атмосфере репрессий инсуррекционистский подход часто преподносится как необходимость безопасности: когда повсюду агенты, а юридические последствия сопротивления усугубляются, заниматься «надпольной» организацией попросту слишком опасно. Однако, далеко не очевидно, что меньшая видимость делает анархистов более защищёнными и более эффективными.

Часто случается, что пытаясь исправить старые ошибки, люди совершают новые; отвергая сомнительные стратегии, они с трудом понимают, какие преимущества побудили их предшественников принять эти стратегии в качестве основных. Так, анархисты, которые только вышли на публику десять лет назад, теперь мечтают вернуться в тень.

Правительство может только мечтать о том, чтобы анархисты вернулись к закрытым тусовкам и сектам, оставляющим мало возможностей для вовлечения людей извне. Для власти было бы выгодно, чтобы маленькое число радикалов перешло к более воинственным тактикам, потеряв связь с более широкой социальной базой; это делает распространение прямого действия менее вероятным, в то же время давая власти основания для более простого оправдания репрессий. На первый взгляд отследить подпольные группы труднее, но последние дела ФБР, такие как операция «встречный огонь» (Operation Backfire)³, показали, что закрытые, высокозащищённые структуры не являются непроницаемыми. Можно также посмотреть на дело Тарнакской девятки, французских радикалов, которые в настоящее время обвиняются в террористическом заговоре, также они подозреваются в причастности к написанию книги «Грядущее Восстание», которая выступает за «непрозрачные зоны», непроницаемые для властей. На самом деле, такие зоны возникают не в следствие надлежащего контроля информации, но из-за появления такого большого количества повстанческих групп, что власти не могут угнаться за всеми ними сразу.

Если это верно, то наиболее срочной задачей для анархистов является не осуществление скрытых военных ударов, а распространение навыков и практик. Не существует замены совместным действиям, которые предоставляют возможности присоединиться новым людям и возможности для налаживания контактов между существующими группами. Также отказ от взаимодействия с общественностью, по сути, означает предоставить её в распоряжение корпоративных СМИ, чтобы те рассказывали им свою «историю» — или скрывали факты. Подобно тому, как повстанцы должны привязывать обострение конфликта к темпу, с которым он распространяется, чтобы не перенапрягаться, они также должны взвешивать практические преимущества конспирации в свете необходимости распространять новые формы борьбы и мятежную энергию.

Это имеет отношение и к тому, является ли для анархистов более безопасным и стратегически выгодным действовать в одиночку, полагаясь на эффект внезапности и не принимая участия в каких-либо традиционных политических структурах, или, напротив, присоединиться к более широким кампаниям и мобилизациям. Во втором случае, государство часто тщательнее и бдительнее готовится, что сильно затрудняет проведение атак, успешных с чисто военной точки зрения; но с другой стороны, арестованные с большей вероятностью получают поддержку более широкого, чем анархистская среда, круга людей, а их акции могут стать более заметными и понятными для окружающих.

Всё это не значит, что организационные действия анархистов должны стать столь же прозрачными, какими являются мэйнстримовые политические кампании. Это

³ It's worth noting that the only Operation Backfire defendants who conducted themselves honorably were the ones who were still involved in activist organizing or subcultural communities.

значит, что анархистские модели сопротивления должны стать доступными для каждого, а не помочь росту популярности очередной программы, оратора или партии. Главная опасность того, чтобы быть на виду, в конечном итоге, связана не с полицией, а с интеграцией в спектакль, позированием перед камерами до тех пор, пока вы не начинаете вести себя позёрски постоянно.

Не меньшей опасностью, чем полиция, является принятие логики спектакля, позируя для камер до тех пор, пока вы не начнёте позировать по жизни.

Экономика только что испытала коллапс, и анархистам, потратившим вторую половину десятилетия на создание разнообразной антикапиталистической инфраструктуры, не терпится заявить обществу о себе и своих идеях. Группа друзей разработала идею уличной вечеринки, и две дюжины человек собрались, чтобы обсудить её. Уличная вечеринка превратилась в Похороны Капитализма; целью было поставлено инициировать дискуссию с общественностью о том, как мобилизовать низовую реакцию на кризис. Листовки и стикеры появились повсюду; планируя митинги, организаторы представляли себя во главе толпы из сотен людей. Общая радость, соединённая с обсуждением вопроса о распределении ресурсов должна была стать как бы «двойным ударом».

Но ночь проведения вечеринки была столь холодной, что на мероприятие пришло только 50 нестигаемых, оказавшихся чуть ли не единственными пешеходами на улице. Они едва успели перекрыть дорогу, как одинокий полицейский офицер, сделав лихой вираж на своём автомобиле, принялся выкрикивать требования в толпу и

схватил первого подвернувшегося ему под руку, надеясь, что его пример напугает остальных и заставит их отойти на тротуар. К удивлению мента, вместо бегства на него обрушился град ударов. Это вам не мямли старой школы, а новое жёсткое поколение.

Намеченная им жертва вырвалась; он тут же схватил кого-то другого — но та же история повторилась вновь. Подъехало подкрепление и, в конце концов, полицейским удалось схватить одного из посетителей вечеринки.

Остальные собрались в кафе неподалёку. Почти все, кто был на улице, пришли; всеми овладело новое чувство общей цели. В течение двух часов им удалось собрать достаточно денег, чтобы внести залог и выкупить арестованного из тюрьмы; двумя неделями позже, на мероприятие в поддержку арестованного (кукольный спектакль и продажа выпечки) пришло больше людей, чем на самую уличную вечеринку, удалось собрать все деньги, необходимые для юридических расходов.

Наконец, обвиняемый добился благоприятной «сделки с правосудием» (американские процессуальные тонкости — прим. пер.). Как только собранные деньги были возвращены, товарищ из другого сообщества был арестован и обвинён в преступном сговоре, возникла идея пожертвовать деньги в фонд его поддержки: таким образом, столкнувшись лоб в лоб с властями, сообщество научилось проявлять больше солидарности с другими сообществами.

Среди всего этого гвалта все уже и забыли о привлечении широкой публики, внимание незаметно сместилось с кризиса на проблему несправедливости полицейских репрессий. Укрепились связи между радикалами, спасибо куколкам и выпечке, (всё это не больше, чем уличная бравада) но вовсе не укрепились связи с остальным населением города.

Сила восстания

«Сила восстания социальная, а не военная. Распространившееся восстание измеряется не боевым столкновением, а тем насколько парализована экономика, захвачены центры производства и распределения, свободное дарение, уничтожающее любой расчёт...»

-На ножах со всем существующим

Сила восстания социальная, а не военная. Сила анархистского восстания определяется не боевыми столкновениями, а тем, насколько распространилось восстание, насколько широко распространились тактики и методы, насколько постоянны, широки и искренне освободительны взаимоотношения, стоящие за всем делом. Если наша цель не просто убедить других - а если честнее, то самих себя — в нашей способности не повиноваться, то нам стоит отдавать предпочтение тем формам сопротивления, которые наиболее «заразительны», или, по крайней мере, наиболее жизнеспособны. Какой социальный слой поднимет восстание? Откуда он возьмётся?

Сила восстания социальная, а не военная. Это уже давно признанный повстанческий тезис, но на практике именно об этом чаще всего забывают. Возводя во главу угла атаку, сложно, в конце концов, не воспринять подсознательно милитаристскую

логику своих врагов, измеряющих эффективность количеством поражённых целей или количеством долларов нанесённого ущерба. Вероятно, это неизбежный риск концепции атаки не как средства, а как цели — если атака ценна сама по себе, то разве не лучше будет устроить «большую» атаку? Эта тенденция особенно опасна для тех, у кого перед глазами в их собственном сообществе не было примера того, что значит вести «социальную войну», тех, кому приходится начинать всё с нуля.

Сила восстания социальная, а не военная. Это значит, что она зависит от прочности, солидарности и взаимоотношений всей общественной организации — а не только аффинити-группы или шайки. Те, кто печёт кексики для сбора пожертвований, по меньшей мере, также важны, как и арестованные бунтовщики; эффективность сборщиков пожертвований определяет, сколь долго повстанцы силой смогут продолжать владеть улицами. Можно в одиночку разбить окно единственным кирпичом и силой своей руки, но участвовать в рассчитанных на долгое время социальных конфликтах можно только будучи частью сообщества. Социальная сила есть именно вопрос культуры, ценностей, верности, приоритетов, социальные войны происходят на этой территории, на которую, конечно, влияют физические конфронтации, но не только они.

Сколько человек поддержат вас в борьбе? Сколько присоединятся к вам? Если вы окажетесь в тюрьме, вас будет поддерживать ваша бабушка? Её сообщество?

Государство часто изолирует повстанцев с помощью классического для боевых искусств приёма: оно толкает их в направлении, в которое они движутся, побуждая их раскрыть карты прежде, чем они создали общественную силу, необходимую для их выживания. Необходимо устанавливать темп эскалации самостоятельно, избегая неблагоприятных обязательств и не поддаваясь искушению сосредоточиться на мести. Конечная цель повстанческой атаки не только государство, но и пассивность окружающих.

Возвращаясь к началу нашего разговора: всё это вовсе не причина не действовать или ждать подходящего момента, чтобы браться за сопротивление. Социальная война, как и классовая война, происходят всегда: нравится нам это или нет, мы родились в них, и каждую минуту решаем, как мы боремся. Дело в том, чтобы действовать стратегически, чтобы не бороться в одиночку.

Это особенно сложно в нынешних условиях слежки и репрессий. Надо прибегать к некоторой степени секретности, чтобы быть в состоянии эффективно сопротивляться. Но если самым важным аспектом сопротивления являются отношения, то получается, что ошибочно выбирать формы борьбы, которые производят всё меньшие и меньшие социальные группы. Исторически сложилось так, кроме случаев, когда сопротивление распространяется как лесной пожар, что движения сопротивления, как правило, распадаются на более мелкие элементы, как только они вступают в открытый конфликт с государством: вспомните переход Студентов за демократическое общество в 1960-х к Weather Underground в 1970-е годы, или путь голландского движения сквоттеров на протяжении 1980-х годов. Если наши социальные структуры могут численно уменьшиться по мере обострения конфликта, было бы более разумным поддерживать низкую интенсивность борьбы, которая не вызывает яростный гнев государства, или же начать с толпы в качестве единицы сопротивления, а не шайки или группы близости. Это не означает, что мы не должны быть организованы

в аффинити группы, но, что действия аффинити групп должны служить активизации толпы, а не быть самоцелью.

Власти понимают свою вовлечённость в социальную войну, возможно, более чётко, чем большинство повстанцев. Они не просто атакуют наши тела дубинками, перцовым аэрозолем, и тюремными заключениями, они также начинают атаковать наши отношения и социальные связи. Для них более рентабельно запугивать, изолировать или дискредитировать радикалов, чем сажать в тюрьму или убивать их. В этом противостоянии, мы должны признавать это запугивание и изоляцию, как их исключительную прерогативу, и защищать наши отношения и наши связи с другими соответственно. Они могут бить или бросить в тюрьму каждого из нас по отдельности, не одержав победы в социальном конфликте — вопрос в том, закрепятся ли наши ценности и тактики.

Социальная война требует социальных навыков

«Уничтожение собственности—это не просто мачистское подстрекательство к бесчинствам или освобождение от страха, обусловленное тестостероном. Также как и не вытесненный реакционный гнев. Это стратегически и конкретно намеченное прямое действие.»

—ACME Collective, N30 Black Bloc Communiqué

Учитывая, что восстание зависит от связей, казалось бы, что инсurreкционистам было бы желательно быть наиболее привлекательными анархистами, больше всех стремящимися заводить друзей и разрешать конфликты. В идеале, для инсurreкционистов желательно выгодно отличаться от крикливых пацифистов и властных реформистов. Всегда должно быть ясно, что агрессивные действия — это не мачистский подвиг, но аргументированное стратегическое решение, или, по крайней мере, искреннее выражение эмоций.

Требуется огромное терпение и социальные навыки, чтобы заложить предпосылки для восстания. К сожалению, некоторые из тех, кто тяготеет к идее повстанчества, имеют предрасположенность к нетерпимости и враждебности. «Начинать с атаки» может быть привлекательным для тех, кто не хочет тщательно обсуждать разногласия или нести ответственность. Превознося свои излюбленные тактики над тактиками своих потенциальных союзников, такие горячие головы обостряют мнимые противоречия, которые отрезают их от ресурсов и поддержки, нужных для того, чтобы сделать их атаки эффективными, продолжительными и заразительными.

Можно рассматривать эту тенденцию как неадекватный ответ на неповоротливую коалицию антивоенного движения. Нет ничего хорошего в принудительном единстве, которое парализует участников и препятствует автономным действиям. Но автоматическое неприятие всего, что сделало движения сопротивления возможными в прошлом, тоже никак нельзя считать правильным.

Социальные навыки для социальной войны:

- структуры принятия решений и культурные обычаи, которые поощряют горизонтальные движущие силы власти
- принципы взаимной ответственности и подотчётности, чтобы предотвратить появление внутренней иерархии
- разрешение конфликтов, как внутренних, так и с потенциальными союзниками
- способность удовлетворять материальные, общественные и эмоциональные потребности
- возможность воспроизводить общественные формы сопротивления быстрее, чем они уничтожаются
- каналы связи с обществом, за пределами одной субкультуры
- гибкость и способность действовать в соответствии с ситуацией, а не заикливаться на ритуале

21 апреля 2001 года. Чёрный блок методично выбивает все окна транснационального банка в центре города Квебек во время саммита Общеамериканской Зоны Свободной Торговли. Уличные столкновения продолжаются уже 24 часа подряд; большая часть города залита слезоточивым газом, и все большее число протестующих отвечает бутылками с зажигательной смесью и другими летящими предметами.

Толпа местных хулиганов наблюдает за чёрным блоком издали. Они с одобрением смотрели на то, как чужеземцы дрались с полицией; местные жители не испытывают большой любви к полиции, и, как квебекцы, они возмущены тем, что большая часть оккупационной армии была привезена из англо-говорящих провинций через пол континента. С другой стороны, активисты тоже захватчики, и теперь они громят город.

Как только блок начинает поиски следующего банка, местные следуют за ними, взяв в руки тупые предметы и угрожая им на плохом английском: «Гавнуки!». Бородатый старый либерал видит ситуацию и несколько минут идёт в ногу с хулиганами, педантично объясняя: «Нет, они не говнюки, это просто плохая тактика.» Позаимствовав выражение, которое местные сочли за хлёсткое ругательство, они продолжают следовать за блоком, крича «Плэхая так-тыка! Плэхая так-тыка!»

Один идеалистичный молодой анархист идёт к ним, чтобы воззвать преследователей к разуму. «Мы не против вас, мы здесь, чтобы бороться с теми же учреждениями, которые господствуют над вами: транснациональными корпорациями и неолиберальными правительствами, которые...» — Ему отвечают ударом в лицо, который сбивает его с ног.

Это критический момент, когда смысл всей мобилизации оказался под угрозой. Если местные подерутся с чёрным блоком, то главной темой выходных будет не битва Народа и Власти, а стычка маргинальных радикалов со всеми остальными. Чёрный блок имеет репутацию мачистов; многие другие активисты ставят под сомнение их

зрелость, и даже их искренность. Бывшему с детства затравленным и запуганным и ставшему воинственным анархистом в надежде взять реванш, парню, должно быть, очень хотелось треснуть в ответ. Если бы он сделал это, его товарищи тотчас же пришли бы ему на помощь. Но он просто поднялся и пошёл обратно к своим: не героично, но зато умно.

Через два квартала в поле зрения появилась полиция: ряд за рядом, вооружённые штурмовики, бросающие шумовые гранаты и стреляющие резиновыми пулями по тесной толпе людей, стоящей перед ними. Обе группы колеблются. Ситуация изменилась.

Местные с опаской смотрят на анархистов. «Ви здесь, чтобы разломать наш горэд?» — выкрикнул один из них.

«Нет!» кричит в ответ мужик в лыжной маске «чтобы МОЧИТЬ МЕНТОВ!»

«Чтобы мочить ментов?»

«Да, мочить их, а не вас!»

«Мочи мэнтов!» дружелюбно кричит в ответ другой местный.

Представители обеих групп осторожной походкой направляются навстречу друг другу. Светошумовая граната разрывается поблизости, так что им приходится кричать, и они быстро «закljučают перемирие» и жмут руки. Когда солнце садилось над городом Квебеком, местные жители в футболках, натянутых на лица, носились вместе с радикалами в очках и банданах, осыпая полицию кусками разломанного бетона.

Противостоять всем формам угнетения

Движения сопротивления вновь и вновь уничтожал конфликт из-за ответственности, привилегий и внутреннего угнетения — например, в США в начале 70-х, и в Италии в конце того же десятилетия. То же самое произошло, хотя и в меньших масштабах, во время раскола в американском антиглобалистском движении сразу после смены столетий; результаты этого раскола в Юджине, штат Орегон, исследованы в статье «Напуганные зелёными», также на этом сайте (прим. пер. - [[<http://www.crimethinc.com/texts/rollingthunder/greenscared.php>]])

В некоторых кругах, инсуррекционисты стяжали свою дурную славу именно за то, что не уделяют этим проблемам должного внимания. Это очень сложно — цель анархистской деятельности атаковать все формы иерархии, а не только цели, подходящие для эффектного «riot-порно». Ответственность и внимание к проблеме привилегий создадут взаимоотношения, которые сделают успешную борьбу возможной; без этого аффинити-группа может развалиться по той же схеме, что и движение. Поддерживание здоровых взаимоотношений — это не какая-то дополнительная задача, которую анархисты должны выполнять в ходе сопротивления власти — это самая основа сопротивления, способ сохранить его суть.

Даже если вышеупомянутая дурная слава — следствие клеветы, основанной на отдельных наблюдениях, всё равно она проблематизирует повстанческих анархистов,

⁴ Some critics challenge the right of a predominantly white or male demographic to initiate confrontations in the first place; but people of all walks of life are entitled to fight for liberation on their own

Инсurreкционисты, выступающие с позиций относительных привилегий, не могут скрыть это, просто надев маску

так как она позволяет их противникам выставлять их в образе безответственных лицемеров⁴. Всякий раз, когда анархисты оказываются не способны бросить вызов патриархату, белому господству и другим проявлениям иерархии, они оказываются уязвимыми перед ухищрениями либералов и всех, жаждущих дискредитировать воинственное сопротивление. Инсurreкционистам стоит проявить инициативу в поиске путей выявления и уничтожения привилегий, ведь всем понятно, что нет противоречия в том, чтобы противостоять существующей власти и одновременно преодолевать менее заметные формы господства.

Подходы, основанные на столкновении, обречены рано или поздно столкнуться с противодействием, но если противодействие исходит от потенциальных товарищей, это тревожный сигнал, означающий, что ты на неверном пути. К сожалению, убеждённые инсurreкционисты иногда реагируют на это, изолируя себя от любой конструктивной критики, упорно внушая себе, что им не нужны союзники на пути, который они выбрали.

Язык исключения

Чтобы там ни пиздили, злобно посылай подальше! Не ослабляй свой яростный гнев в ответ на претензии — не откладывай эмоциональный ответ на окружающие тебя трагедии. Преврати свои годы затаённой тоски в грозное орудие мести. Не

переводи своё недовольство на язык твоих угнетателей — дай им остаться горящими снарядами, которые будут запущены катапультами. Наступай, отрицай, уничтожай!

Но если то, что ты чувствуешь, это ярость, то почему ты цитируешь профессоров философии?

Если некоторые направления современного американского инсуррекссионизма, похоже, заранее отказались от возможности объединиться с товарищами вне своего непосредственного круга друзей, это особенно заметно в их понятных лишь посвящённым языке и ориентирах. Поговори о «зонах непрозрачности» — и заодно об опасности оказаться захваченным в плен в окружении!

Возможно, это от того, что так много повстанческой теории пришло из-за рубежа в плохом переводе. Отечественные повстанцы подражают тупому стилю своих любимых текстов, и получившаяся невнятная речь подчеркивает нелепость попытки переноса подхода из его исходного контекста без пересмотра. Мы не достигли такого уровня, чтобы критиковать инсуррекссионистские произведения из Франции или Италии, где, вероятно, каждый посудомойщик наслаждается Фуко и Негри — но в Штатах слова вроде «прожектуральность» приводят к тому, что многие люди перестают слушать.

Другой источник этой тенденции может быть найден во влиянии научных кругов. В башне из слоновой кости, которая строится на исключении, ученые получают вознаграждение за разработку заумного языка и теории. Для некоторых повстанцев, соответствие такому языку должно казаться таким же, как соответствие другим символам статуса, таким как мода на одежду American Apparel® вездесущую в некоторых кругах. Но «у каждого инструмента есть мир, подсоединённый к его рукоятке» и исключительность научных кругов зиждется на терминологии.

Конечно, некоторым людям нравится эксклюзивный язык — особенно тем, кто хочет видеть себя частью круга избранных. Среда, которая привлекает многих людей с подобными желаниями, вряд ли сделается гостеприимным местом для широкого круга участников, она также не может обладать высокой стойкостью. Капиталистический консюмеризм зависит от новых тенденций каждый сезон, для идей это также справедливо, как и для моды: то, что модно в один год, гарантированно будет «не актуально» в следующем.

Альтернативой этому, что достаточно было показано другими инсуррекссионистами США, является общение не с помощью упрощённой болтовни в духе раскалывающихся коммунистических сект, а также не предпочтение сленга воображаемых классовых союзников, но точное выражение в простом стиле и не приятие общего контекста за само собой разумеющийся. Исправляющиеся мракобесы могли бы попробовать писать на том же языке, на каком они разговаривают со своими соседями или родственниками. Вы не можете ожидать, чтобы другие вышли из своих «зон комфорта», пока вы сами не будете готовы это сделать.

behalf, so long as they don't do so in a way that compromises others. The details of initiating confrontations without compromising others are complicated enough that it would demand an analysis even longer than this one to explore them.

Воинственные позы против Декolonизирующего насилия

Мы можем превратиться в машину по созданию райот-порно, но это менее важно, чем «создание условий, при которых наступление может поддерживаться не затухая, а также установление материальной взаимовыручки, которая позволит нам держаться.»

-Total Destroy #3

В общем и целом, радикалы в США весьма косвенно связаны с насильственными действиями. Неудивительно, если они обнаруживают, что действуют словно по заранее написанному сценарию, когда они пытаются интегрировать насилие в свою практику сопротивления.

В общем и целом, люди в США и особенно белые люди⁵, имеют, главным образом, опосредованное отношение к насилию. Это не означает, что мы никогда не подвергались насилию, но пропорционально, мы становимся свидетелями насилия чаще, чем испытываем его на себе. Земля под нашими ногами была куплена вместе с уничтожением её бывших жителей, товары, которые поддерживают наш образ жизни, проистекают из моря крови, но когда мы думаем о насилии, в большинстве случаев мы представляем стилизованные изображения из телевизора и кино. Неудивительно, если радикалы, которые пытаются включить насилие в свою практику сопротивления, обнаруживают, что действуют словно по заранее написанному сценарию.

⁵ Not all insurrectionists fit this demographic, of course—but there might be a few who do.

«Райот-порно», изображения антиавторитарного насилия, которое повстанческие СМИ содержат в изобилии — лишь подгруппа стереотипов о сексе и насилии, окружающих нас в обществе. Порнография не только угождает страстям—она также формирует и направляет их, в случае с райот-порно, она прославляет момент физического столкновения, одновременно удаляя социальный контекст, который придаёт ему смысл. Порнография может побуждать играть роли, которые имеют мало общего с реальными потребностями участников; те, кто попал под влияние корпоративной порнографии, иногда разочаровывают своих сексуальных партнёров. Кроме того, циничный наблюдатель может карикатурно изобразить некоторые нынешние проявления повстанчества как ошибочную попытку выкристаллизовать стратегию из эстетики райот-порно: ни трудных переговоров с союзниками, ни промежуточных или долгосрочных целей, только момент атаки, изолированный в вакууме.

Подлинные секс и насилие могут быть освобождены от патриархального общества, но, в определённой мере, сложнее избавиться от патриархата - представления о них.⁶ Всякий может стрелять в убудка, но в этом обществе образ пушки почти неразрывно связан с представлением о мужской власти и господстве. Антиавторитарии, которые думают, что захватывающие сцены насилия могут обернуться против их хозяев, играют с огнём. И это даже рискованнее, чем может показаться.

С другой стороны, в обществе, в котором так много привилегий опирается на насилие, которое происходит вне нашего непосредственного опыта, похвально то, что мятежники стараются установить прямую связь с ним. Возможно, повстанческую деятельность должно оценивать по тому, как эффективно она способствует избавлению от «запрограммированности», не менее, чем по тому, насколько дорого она обходится врагу или насколько вдохновляет потенциальных товарищей. До какой степени данное действие позволяет участникам достигнуть непосредственного и сознательного отношения к насилию? В какой степени это лишь повторение всех слишком знакомых сценариев? Так же, как мы можем судить об эротических играх или предметах по той мере, в какой они «освобождают» секс, а не укрепляют обычные роли и динамику власти, мы могли бы оценивать повстанческие практики по той степени, в которой они «освобождают» насилие. Это может означать что угодно: от предоставления необходимых сил группам, у которых обычно нет возможности применять насилие против их угнетателей, до развеивания влияния медийных стереотипов насилия путём замещения их знанием, основанным на личном опыте, чтобы заставить насилие встать на службу запретным ролям, которые ещё никто не воображал.

Вечер акции, один пожилой анархист, не участвовавший в её подготовке, высказывает своё обычное недовольство: «Значит, идея в том, чтобы добиться вызова грёбанной полиции, дожидаться, пока они появятся, а затем попытаться пройти поблизости? Эти идиоты, наконец, придумали способ потерять элемент неожиданности, который является практически единственным преимуществом тактики!»

⁶ Speaking of representation, white anarchists must be careful not to exoticize and eroticize violence in poor communities of color. This already occurs in hip hop consumerism, where racist capitalists kill two birds with one stone by profiting off representations of black people as violent and oversexed. Suburban insurrectionists pining for comrades may unconsciously picture stereotypical characters from hip hop videos as their class allies in the social war.

Но, удивительно или нет, всё идёт по плану. Люди собираются в парке для приёма пищи и игр, затем в назначенное время уходят небольшими группами в секретное место. Им оказывается заброшенное здание в самом сердце делового района, с огромным транспарантом, свисающим с крыши: «Вернём себе пространство, чтобы вернуть свои жизни себе: ЗАХВАТЫВАЙТЕ ВСЁ.» Воспоминания о вечере разбросаны у двери — презервативы, маски, слишком маленький манифест: «Видите, вот предложение. Недавно мы начали осознавать, что мы существуем...». Внутри во всю идёт танцевальная вечеринка; отчуждённый постиндустриальный декор был приукрашен лентами и другим транспарантом: на нём «РАЗВЛЕКАЙТЕСЬ КАК В 1886.» Пара гендерных диссидентов сняла всю свою одежду. Другие исследовали границы захваченного здания по одному и парами. В отличие от акций «Вернём себе Улицы», которые промчались по стране десятилетием раньше, это закрытая вечеринка, но она проходит в такой же атмосфере чуда.

Спустя большой промежуток времени, чем ожидалось, из уст в уста начинает распространяться новость: полиция внутри! Аудиосистема выходит из игры, и кто-то вытаскивает её через чёрный ход, когда появляется офицер, прощупывая толпу своим фонариком. Все исчезают через переднюю дверь колонной по одному; это кажется отчасти деморализующим, и старый анархист ворчит, что если они действительно хотят промаршировать, то они должны выходить одним решительным блоком. Вместо этого нерешительная толпа застывает на тротуаре, теряя время, пока малочисленная полиция борется над тем, чтобы понять, что происходит.

Аудиосистема появляется вновь и люди собираются вокруг неё. Когда толпа начинает двигаться по улице, полисмен подрывается и хватает её. Все остальные продолжают; свернув за угол, они чудесным образом обнаруживают себя захватившими улицу в мире, как будто свободном от любых властей. Нет какой-либо определённой причины или лозунга для этого вечернего марша и участники, не способные обойтись без активистских традиций, вопреки всякой риторике, проявляют себя в пении первых броских фраз, которые приходят на ум: «Свиной грипп!» «Wu Tang Clan ничего не ебёт!» Двое молодых людей, гуляющих по городу, присоединяются, явно не воспринимая это как анархистскую уличную вечеринку.

Пройдя один квартал ребята накинули капюшоны и одели маски, раздался звон грохочущего металла — это автоматы для продажи газет были вытащены на улицу. Все остальные в стране отказываются от корпоративных печатных СМИ, но анархисты всё ещё самозабвенно верят, что эти ящики мешают полицейским машинам преследовать их. За следующим поворотом находится ресторанный район, и ступля немедленно летят в витрины кафе, но только лишь для того, чтобы отскочить и упасть на землю. Элемент позёрства виден даже в поведении самых разнузданных участников: они принимают позы, разыгрывая свои любимые сцены, но только без мрачной цели нанести максимальный ущерб, характерной для знаменитых чёрных блоков времён анти-глобализма.

Опасность попасться, конечно, всё ещё очень реальна — но полицейские, к счастью, далеко позади, и толпа рассеется, прежде чем они смогут догнать. Некоторые участники довольны собой; другие растеряны. Юный хиппи пытается завести разговор с идущим рядом товарищем с суровым лицом, прячущим балахон черноблочника

подмышкой: «Ты видел, как те люди кидали стулья в окна? Вот говно, да?» Парень с балахоном ускоряет свой шаг и не отвечает.

Позднее, все дискуссии пятилетней давности начинаются вновь. Было ли безответственным со стороны некоторых товарищей наносить ущерб собственности, когда другие не знали, что так будет? С другой стороны, как предугадать, что люди перейдут к совместному вандализму? Вы точно не прочтёте об этом в листовке. Понял ли кто-нибудь из посторонних цели всех этих действий — и какое это имеет значение? Не печально ли то, что «типа бунтовщики» не смогли разбить окна в кафе? Или напротив, это удача, так как это могло бы вызвать более серьёзное последующее расследование, без достижения каких-либо значимых целей? Мало кто до этого задумывался об этих старых проблемах— пять лет назад большинство людей жили в другом месте и были заняты совершенно другими делами.

Сварливый старый анархист предаётся воспоминаниям о тех днях, когда неожиданные шествия вроде этого происходили в среде его собственных сверстников. В первом приняли участие сотни людей, большинство из которых никогда не представляло, что будет участвовать в шествии без разрешения; к его огорчению, они скандировали «Чего мы хотим? МИРА!» когда он предпочёл бы сровнять весь город с землёй. В течение следующих лет каждое новое шествие становилось чуть более агрессивным, чем прошлое; появилось маленькое ядро идейных тайных организаторов, в то время как углублялись противоречия внутри более широкой социальной среды, которая сделала этот формат акций возможным. Последняя акция была показана по национальным новостям, нанесла ущерб в десятки тысяч долларов и причём, по довольно значимым мишеням, а несколько человек предстало перед судом по уголовным обвинениям. После этого всё растаяло в вихре гневных взаимных обвинений, утомительной юридической поддержки и запретительной культуры безопасности.

Его друг спросил, стоило ли оно того. «Так, все винят испанских анархистов за поражение в испанской гражданской войне, как будто несколько двадцатилетних юношей могут понимать исторический и социальный контекст лучше, чем все революционеры тех лет. Но, возможно, испанцы с самого начала сознавали свою обречённость, но предпочли как можно ожесточённее бороться вместе до конца в надежде создать шум, достаточный, чтобы вдохновить людей вроде нас. Раз уж движение, частью которого мы были, не длилось вечно, возможно, это и к лучшему, что оно так и закончилось. Но должны ли вы сразу начинать выбивать дерьмо, как только вы приступаете к борьбе? Я не знаю.»

Желание разрушать всё подряд

Часть современных инсurreкционистов склонна к нигилизму, заявляя в бескомпромиссном тоне, что всё, что существует, должно быть уничтожено. Для ушей туземца или защитника окружающей среды этот план глобального всеразрушения звучит подозрительно похоже на то, что программа индустриального капитализма уже успешно выполняет.

Как и с отказом от субкультуры, можно очень красиво говорить, что ты против «всего», но в этом мало смысла. Даже противостояние всему — это позиция, адап-

тированная к этому миру, сформированная и проистекающая из существующего контекста. Если мы против всего, то как нам ориентироваться? С чего мы начнём, и как мы можем быть уверенными в том, что результаты наших усилий не будут ещё хуже? Можем ли мы принимать какие-либо соглашения о том, в каких направлениях нам двигаться вообще?

Более разумно и более честно говорить, что мы становимся на сторону некоторых существующих реалий и тенденций, против других и надеемся, поступая так, осуществить полное преобразование мира. Такой подход не только предлагает конкретные отправные точки, он также лучше подходит для изучения замысловатых способов смещения иерархических и горизонтальных движущих сил как в лагере противника, так и в нашем собственном.⁷ Если вы не можете увидеть ничего хорошего в вашем противнике, вы, вероятно, не в состоянии распознать ничего плохого в себе. К тому же, идея того, что всё должно быть уничтожено, как бы то ни было, может упростить оправдание себя перед любой критикой.

Вскрывая линии разрыва

Каждое общество состоит из противоречащих течений, которые соперничают не только в обществе в целом, но также и внутри личностей, которые его составляют.

Давайте ещё раз вернёмся к ситуациям, окружающим крупные восстания, вроде того, что произошло в Греции в декабре 2008-го. Воинственное сопротивление является устойчивым в таких ситуациях не только благодаря инициативе непосредственных

⁷ Contrast this with the facile opposition to “civilization,” case closed, adopted by hard-line primitivists.

участников, но также и благодаря усилиям не-анархистов, которые противятся военному вмешательству, организуются против судебных репрессий и иными способами ограничивают возможности государства. Многие из этих людей могут также противиться восстанию, даже когда играют значительные роли в том, что делает его возможным. Если бы социальная война была просто вопросом противостояния сил, то греческое правительство могло бы разбомбить все сквоты и захваченные университеты, в которых организовывался бунт; оно не могло поступить так, поскольку его руки были связаны либералами, и из-за страха превращения либералов в радикалов.

Всё это пишется не для того, чтобы преуменьшить отважность тех, кто встречается с государством в открытом противостоянии, но для того, чтобы подчеркнуть, что столкновения происходят не столько между группами, сколько внутри общества. Каждое общество состоит из противоречащих течений, которые соперничают не только в обществе в целом, но также и внутри личностей, которые его составляют. Моменты разрыва, которые случаются внутри личностей, не менее важны, чем те, что случаются между классами. Наиболее эффективные повстанческие акции не только вскрывают разломы, которые пронизывают общество, они также заставляют колеблющихся сделать выбор—и сделать его в соответствии с их собственными интересами, а не интересами их хозяев.

Исход революционной борьбы решается революционерами или автократами не в большей степени, чем теми, кто находится на рубеже между ними. Баланс силы определяется тем, на какую сторону рубежа они перейдут, когда будут вынуждены выбирать. Революционеры игнорируют это на свой страх и риск.

Инфраструктура против конфронтации равных

Ни убеждения в абстрактных идеях, ни классовая позиция сами по себе не заставляют людей вложить свои силы в борьбу против иерархии. Это делают опыт анархистского решения жизненных проблем, развития и осуществления анархистских желаний. Потребности бунтовать, разрушать, отомстить — лишь некоторые из множества таких желаний.

Либералы и другие, кто выступает против революционной борьбы, часто выдвигают ложное противоречие между установлением социальных связей и участием в насильственной конфронтации. Некоторые инсurreкционисты приняли это за чистую монету, отстаивая последнее в ущерб первому, возможно, отчаявшись в первом. Десять лет назад воинственные анархисты опровергали концептуальную схему «насилие „против“ ненасилия»; теперь маятник сменил своё направление в другую крайность, и есть повстанческие анархисты, которые настаивают на том, что атака обособлена от организации сообщества.

Наоборот, «организация сообщества» и переход в наступление наиболее эффективны тогда, когда они идут рука об руку. Непрерывный конфликт, децентрализованная

⁸ For example, one of the classic cases of insurrectionist practice referenced by Alfredo Bonanno was a campaign to prevent the construction of a US missile base in Comiso, Italy. Anarchists helped form autonomous groups in the community, which were not ideologically identified but functioned according to insurrectionist principles, on the basis of a commitment to stop the construction by any means necessary.

организация, и все остальные повстанческие предписания могут вполне хорошо служить в локальных, основанных на сообществе, конфликтах.⁸ Совмещение инфраструктурных и конфронтационных подходов не означает, что надо быть волонтером в Инфоцентре днём, и бить окна банков по ночам, но что надо соединить то и другое в единый проект. Это не сложно — так как весь мир был отнят у нас, нам нужно только захватить обратно любую из вещей, которые должны быть нашими, и мы вступим в конфликт с государством. Если анархисты чаще всего не берутся за это, так это только потому, что всегда страшнее попытаться сделать то, чего хочется больше всего, чем то, что делать привычно.

Есть пустырь, который должен быть общественным садом? Превратите его в сад, и мобилизуйте достаточное количество общественных сил, для того чтобы его владелец нашёл более удобным оставить его вам. Коллега подвергается домогательству или увольнению? Соберите всю силу вашего сообщества, чтобы надавить на нанимателя. Есть ресурсы в бакалейной лавке, или в университете, которым есть лучшее применение в вашем районе? Определитесь, кому вы можете доверять, и как распределить их, и возьмите их. Чтобы добиться успеха в этих делах, вы будете вынуждены потратить гораздо больше времени на выстраивание отношений и доверия, чем на беготню в масках — но в социальной войне нет коротких путей.

Это не что иное, как план начать, наконец, наши жизни, это начало постоянно откладывалось всякими половинчатыми предложениями и извилистыми теоретическими оправданиями. В нашей подлинной жизни, мы воины, которые борются за себя и друг за друга, которые отвоёвывают территории нашего повседневного существования, либо погибают, пытаясь сделать это. Ничто меньшее нас не достойно.

Ни убеждения в абстрактных идеях, ни классовая позиция сами по себе не заставляют людей вложить свои силы в борьбу против иерархии. Это делают опыт анархистского решения жизненных проблем, развития и осуществления анархистских желаний. Потребности бунтовать, разрушать, мстить - лишь некоторые из множества таких желаний; если повстанческий подход может удовлетворить их, тем лучше. Но мы достойны борьбы, которая удовлетворяет все наши нужды, а также все наши мечты.

Возвратившись с беспорядков в Гётеборге в ходе саммита Евросоюза в 2001 году, стокгольмские активисты стали искать способы начать столкновения ближе к дому. На первый взгляд, перспектива огромна: когда вы попытаетесь противостоять системе в целом, где вы начнёте?

Тем временем, стоимость проезда в подземке Стокгольма выросла с 450 до 500 крон. Однажды, возможно, по пути на митинг, молодая активистка едва спаслась от штрафа за безбилетный проезд. Как и многие её друзья, она просто не может платить по новым тарифам, и должна рисковать, прыгая через турникет всякий раз, когда отправляется куда-либо. В большинстве случаев это сходит ей с рук — но если они поймут её в следующий раз, это будет стоить ей 1200 крон.

Она раздумывает о том, сколько других людей вынуждены разделять её положение, каждый, ведущий личную партизанскую войну против транспортных властей. Похоже, в Швеции есть союзы всего — но когда доходит до повседневных тактик, с помощью которых люди на самом деле выживают, они всё ещё должны выплывать в одиночку.

FIND EACH OTHER

Есть идея — Союз безбилетников!

Вступили сотни людей. Членский взнос 100 крон в месяц, 80% экономии на правительственных тарифах за проезд, и если тебя поймают, союз оплачивает твой штраф. Что более важно, безбилетный проезд больше не одиночная деятельность, но коллективный бунт. Безбилетники рассматривают себя как общественную силу, гордятся своими действиями и приглашают других присоединиться; союз также предупреждает пассажиров о перемещениях билетных контролёров, давая им дополнительное стимулы, чтобы избежать платы, даже если они не становятся членами, платящими взносы. Вместо того, чтобы пытаться убедить других присоединиться к их активизму, учредители союза нашли способ собрать людей вместе на основе того сопротивления, в котором они уже участвуют: теперь каждый безбилетник — потенциальный революционер, и сознаёт себя таковым.

По прошествии немногих месяцев и по мере поимки нескольких членов за уклонение от оплаты проезда, оказалось, что союз работает с прибылью. На дополнительные деньги организаторы выпустили гляцевую пропаганду, убеждающую общественность присоединиться к ним в их всеобщей войне против платы за проезд в общественном транспорте, и начали поиск творческих идей по поводу следующего шага. Какие ещё линии разлома, пронизывают шведское общество? Как другие личные восстания могут быть преобразованы в коллективную силу — не для того, чтобы договориться с властями, но чтобы бросить им вызов?

[Дополнительную информацию о союзах безбилетников см. на сайте: <http://www.planka.nu>]

Анархизм без приставок

Не существует лучших форм борьбы. Для революции нужно всё: газеты и книги, оружие и взрывчатка... Единственный интересный вопрос, как совместить их.

—На ножах

Если мы никогда не называли себя инсurreкционистами, то это не потому, что мы не желаем восстания, но потому, что наш собственный темперамент предрасполагает нас к анархизму без приставок. Важным является бороться за свободу и против иерархии; мы полагаем, что это потребует различных подходов в различных ситуациях, и что эти подходы могут нуждаться друг в друге, чтобы иметь успех. Мы анархо-синдикалисты в заводском цехе, зелёные анархисты в лесах, социальные анархисты в наших сообществах, индивидуалисты, когда вы обнаруживаете нас одних, анархо-коммунисты, когда есть чем поделиться, инсurreкционисты, когда мы наносим удар.

Анархизм без приставок не только отказывается отдавать предпочтение одному подходу, а не другим, но подчёркивает важность каждой из сторон анархизма для его мнимых противоположностей. Чтобы бунт был повторяемым, ему нужна продажа выпечки; чтобы поджог был понятен, ему нужна общественная кампания;

для воровства из супермаркетов нужно распределение продуктов на районе, чтобы передавать товары дальше.

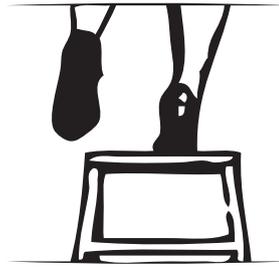
Все противоречия — ложные противоречия в некотором роде, они скрывают не только красные нити между терминами, но также и другие противоречия, которые можно подвергнуть испытанию вместо этих. При ближайшем рассмотрении, кажется, что успешный инсurreкционизм так сильно зависит от «построения сообщества» и даже от «анархизма образа жизни», что на практике они неразличимы. Если мы оставили это частное различие, какие другие различия могут появиться на его месте? Какие ещё вопросы мы можем задать?

Все это не означает, что отдельные анархисты не могут сосредоточиться на своих конкретных навыках и предпочитаемых стратегиях, просто это ошибка выражать в словах чьи-либо личные предпочтения, как универсалии. В конце, как всегда, все сводится к вопросу, с какими проблемами вы хотите бороться, для преодоления каких недостатков вы считаете себя наиболее пригодными. Вы предпочитаете бороться с невидимыми иерархиями в неформальных сетях, или храбры, чтобы выставить на посмешище бездеятельность формальных организаций? Вы скорее рискнёте, поступив опрометчиво, или лучше не сделаете ничего вовсе? Что является более важным для вас, безопасность или заметность, и что, как вы считаете, будет поддерживать вашу безопасность в долгосрочной перспективе?

Мы не можем сказать каждому, какие проблемы выбирать. Мы можем лишь делать всё возможное, чтобы обозначить их. Удачи в ваших восстаниях—и пусть они пересекутся с нашими!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

CrimethInc.

Признайся — ты хочешь восстания!

Перевод сделан на

<https://translatedby.com/you/say-you-want-an-insurrection/>,

скопировано с http://mpst.org/novosti/my_hotim_vosstanija/,

непереведённые примечания приведены по

<https://crimethinc.com/2010/01/07/say-you-want-an-insurrection>

ru.theanarchistlibrary.org